

А. Т. Баянова
(зав. Научной библиотекой архивом
им. П. Э. Алексеевой)

Об этнографической заметке С. В. Фарфоровского о калмыках
DOI 10.22162/2587-6503-2018-3-7-114-123

* Статья подготовлена в рамках государственной субсидии — проект «Формирование полнотекстовых информационных ресурсов в современном научном и культурном пространстве» (номер государственной регистрации АААА-А18-118040490039-3).

Этнограф, фольклорист и историк Сергей Васильевич Фарфоровский известен своими работами, в которых освещает быт полукочевых народов — калмыков, ногайцев, туркмен, терских казаков. Он интересовался устным народным творчеством: собирал легенды, сказки, пословицы разных народов. Его работы часто освещались в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа». Отдельными изданиями вышли его работы «Ногайцы Ставропольской губернии», «Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии», «Чеченские этюды», «Из фольклора терских казаков (остатки былевого эпоса)». После окончания Юрьевского университета в Дерпте преподавал историю и географию в Майкопском реальном училище, в мужской гимназии в Ставрополе. В последние годы жизни жил в Петербурге. В 1938 г. был репрессирован и расстрелян.

Несколько работ С. В. Фарфоровского посвящены изучению быта, традиций, фольклора и жизни калмыков: «Полукочевые народы Северного Кавказа (Опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии», «Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей», «Фольклор калмыков в связи с их современной культурой и бытом».

Статья С. В. Фарфоровского «Фольклор калмыков в связи с их современной культурой и бытом» впервые была напечатана в сборнике «Труды Ставропольского общества изучения Северного Кавказа» в 1912 г. Годом позже отдельный оттиск статьи был напечатан в типографии М. И. Акинфиева в Санкт-Петербурге.

Данная статья представляет особый интерес для исследователей как этнографический и фольклорный источник. Это подлинные этнографические заметки, автор которых, прибыв в калмыцкие степи с це-

лью зафиксировать образцы народного устного творчества, был принят по калмыцкому обычаю, а потому — вынужден ожидать приготовления чая (до чаепития не начинается ни один разговор у калмыков), приготовление которого подробно описано во вступительной части, как и процесс изготовления калмыцкой водки — *араки*.

С. В. Фарфоровский представил в статье зафиксированные им две сказки, поговорки и загадки, которые могут стать и стали объектом изучения специалистов, занимающихся исследованием фольклора калмыков. Так, одна из сказок из статьи С. Фарфоровского «Как ленивый старик разбогател» была включена в сборник «Калмыцкие сказки», изданный в 1936 г. И. И. Кравченко. Автором также записаны приметы и поверья, основанные на наблюдениях за явлениями природы и окружающей действительности и закономерных выводах и заключениях на основе коллективного жизненного опыта. Эти приметы и поверья — ответы на вопросы, которые волновали человека всегда: отчего происходит ветер, на чем держится земля, как себя вести во время грозы и т. д. Эти поверья как этнокультурные маркеры представляют интерес для этнографов. Тематически они представляют важные сферы интересов человеческого общества: погоду, повседневный быт, семейные отношения и т. д. Поговорки и загадки, относящиеся к малым формам фольклора, содержат мудрость народа и мораль, выработанную многими поколениями народа, и тем самым они представляют огромную ценность для современников.

Ниже мы воспроизводим указанную статью.

Фольклор калмыков в связи с их современной культурой и бытом: [Из дневника этнографа]

Калмыки Ставропольской губернии представляют один из любопытнейших, но мало исследованных народов. В духовном творчестве их много своего крайне оригинального, отражающего быт и судьбу этого народа, который с каждым днем тает в своем числе.

Заинтересовавшись калмыцким фольклором, мы предприняли со своим приятелем-калмыком объезд степи. Бойко бегут выносливые кони, окутывая нас облаком степной пыли. Серовато-желтым бесконечно печальным океаном лежит степь. Нет ни одной яркой краски. Все спалило беспощадное солнце. У высыхающих озер, еле двигаясь, стоит изнемогающий скот. Нет ни звука кругом, только наши колокольчики плачут, стонут на просторе этого забытого Богом края. На

холме около норы суслика неподвижным изваянием застыл мрачный угрюмый подорлик: он ждет обитателя норки, протянул лапу около ея выхода. Вот ослепительно белое песчаное ложе речки; увы, здесь ни капли воды, кое-где блестят кристаллы соли между камушками и раковинами. Жмутся овцы... Верблюды, цвета пустыни, поднимают свои маленькия головы с застывшим трагическим выражением глаз. Опять беспредельная немая даль охватывает нас, человек так мал, так ничтожен в этой одной всепоглощающей пустыне, что теперь мы понимаем, почему высшая форма богопочитания (монотеизм) выработалась народами пустыни. День сменяется ночью, вдали маячат огни кояров в калмыцких кибитках, звенят и поют безумолчныя цикады, а мы все еще едем...

Нигде, кроме степей, не приходилось нам испытывать такого жуткого влияния воспоминаний жизни; маленькая человеческая жизнь встает во всем ея трагизме и откуда-то является страшный общемировой вопрос всех времен: стоит ли жить? Оттого житель степи калмык усвоил буддизм с его презрением к жизни, с его стремлением к нирване, с его узким местом, отводимым остальной деятельности человека. «Скоро ли хотон?» — спрашиваем мы своего спутника калмыка... «Скоро, очень скоро, — отвечает он, — только 40 верст осталось». В степи 40 верст это мало.

Вот мы в хотоне, и в кибитке. С яростным лаем встретили нас собаки... Мы встали, расправили затекшие члены и отдыхаем. Подходит хозяин, мы говорим ему обычное «менде» и спокойно садимся на почетное место. В центре таганок, под ним еле тлеет кизяк, обычное топливо калмыков. Около суетится калмычка; она приготавливает для нас *раки*. Раки очень опьяняет, он — блаженство калмыка. Так как рецепт приготовления его до сих пор не описан, то сообщаем его.

После того как выдоены коровы, часть молока выливается в высокую и узкую кадку, плотно завязанную тряпкой. Кадка ставится в теплое место. Это готовится *арьян*. Здесь с молоком вместе лежит ржаной хлеб. Молоко от тепла начинает бродить и окисляется. Когда кадка полна, берут два котла: один большой, другой меньше. Большой ставится на таган и в него выливается арьян, маленький ставится на землю. Оба котла закрываются деревянными крышками, в середине которых есть круглыя отверстия. В крышку большого котла вставляют конец длинной кривой трубы, другой конец вставляют в маленький

котел. Все щели замазывают глиной. Тогда под большим котлом разводят огонь и перегоняют пар в маленький.

У нас одна цель — поскорее записать калмыцкия сказки и песни. Но гостеприимная хозяйка хочет угостить нас еще калмыцким чаем. Мы отогрелись, рады, что достигли цели путешествия, к которому так долго готовились, и благодарим гостеприимную степнячку. С притворной скромностью она кокетливо вскидывает на нас свои довольно красивые раскосые глазки и старается еще больше; увы..., мы сделали ошибку... Придется оплачиваться за нее и пить калмыцкий чай. В подоле своего громадного костюма калмычка приносит еще кизяку¹, где виднеются отпечатки ея ручек, формировавших его, когда он был в мягком еще виде. Здесь, в степи, о брезгливости совсем другого мнения. Вот ловкими жестами кизяк разломан на кусочки и кладется под таганок. Не теряя времени на мытье рук, милая хозяйка вычищает пальцем, облизывая его от грязи, котелок. Туда вливается вода... Ножом, еще грязным от налипшаго на него дегтя (им счищали с колес), режет она плитки чая и всыпает в кипящую воду. Туда же льет молоко и кладет много соли. Когда чай сварится, и листья его будут выловлены сачком, следует последняя приправка. Из-под хлама хозяйка достает кончиками пальцев кусочек масла, бросает его в котел, облизывая пальцы. Чай готов и налит в чашки, немывшиеся со дня выхода на свет Божий. Но для нас делается любезное исключение, внутренняя стенка их вычищается по прежнему рецепту, т. е. пальцами. Мой сосед с удовольствием пьет напиток, хваля его и буквально облизывая пальцы... я держу в руках чашку...какая она большая, дипломатически соглашаюсь со всем (чего не сделаешь для науки), но... но.. не решаюсь... Наконец, делаю последнее героическое усилие и пью чай большими глотками, стараясь при этом не дышать... Боюсь неприятных последствий. За стеной кибитки тошнит верблюда, который с характерными звуками из желудка переправляет для ретириания пищу в рот.

Наконец, можно перейти к описанию народного творчества калмыков. Оно развито очень слабо и выражалось в элементарных видах эпоса. Так же слабо развита народная лирика... Калмыцкия сказки очень печальны. Крайне интересны поверья, приметы. Приведем некоторые из них (доселе неопубликованныя).

---

¹ Топливо из экскрементов скота, с соломой. – С.Ф.

На чем держится земля? Отчего происходит ветер?

Калмыки утверждают, что земля держится на лягушке: «Когда лягушка квакает, земля трясется».

На земле стоят две башни: одна на востоке, другая на западе. В башнях живет богатырь. Он переходит из одной в другую. Когда он спит в западной башне, ветер дует с запада, перейдет в восточную, и ветер будет дуть с востока¹.

Особенно боятся в степи грозы, представляющей в высшей степени грандиозное зрелище.

Во время грозы калмыки испуганно кричат: *чахн! чахн!* Женщины стараются крепче привязать к земле кибитки веревками. Скот загоняется. Все прячутся под защиту кибиток. Хотон замирает. Только слышатся раскаты грома и металлический звук. Это калмыки бьют ржавыми железными вещами друг о друга. Посреди кибитки ярко пылает огонь. На огне жгут желтый прелый войлок, желая отвлечь этим удар грома. Убитая громом скотина считается даром Божиим, мясо ее делится между всеми калмыками.

Из верований калмыков очень интересны погребальные. Некоторое представление о них дает следующий рассказ, записанный нами.

Схоронения без молитвы

Жил один бедный калмык далеко от своей родины. Умерла у него жена; он ее похоронил без *гелюнга*², а сам перекочевал на другое место. Лет через пять ему пришлось ехать мимо старого места. Он ехал с сыном. Дело было зимой. Когда подъехал ближе к речке, то заметил катающуюся по льду женщину-калмычку. Он удивился: откуда же калмычка? Поблизости хотона нет. Он подъехал ближе и узнал в ней свою умершую жену. Он спрятался в камыше и стал следить за ней. Женщина то каталась на льду, то плясала и пела. Вдруг она остановилась. Стала громко звать по имени своего сына. Потом она стала проклинать мужа, который похоронил ее без молитвы *гелюнга*. С проклятия она перешла к угрозам. Она кричала: «Я приду и погублю тебя. Ты от меня

---

¹ Это объяснение происхождения ветра принадлежит, очевидно, калмыкам, живущим в Ставропольской и Астраханской губерниях, где дуют только эти два ветра (Прим. ред.).

² Жрец. – С.Ф.

не уйдешь». Вдруг она исчезла. Муж страшно испугался и поехал к гелюнгу. Гелюнг исполнил известный обряд поминовения, после чего умершая не показывалась.

Это еще хорошо, но есть гелюнги, которые и в ад не в силах отправить. Тогда душа остается при теле. По ночам она в образе человека является родителям или родственникам, прося отправить ее на тот свет.

Представление о силе гелюнгов над умершими высказывается и в фольклоре калмыков.

«Богатому — рай, бедному — ад», — говорят калмыки. По их понятиям душа богача может быть выкуплена из адских мучений. Об этом обыкновенно заботятся родитель или родственник умершего и берет к себе на дом *бакшу*. После совершения обряда поминовения родитель или родственник отдает бакше имущество умершего. *Бакша* часть его отсылает Далай-Ламе, который должен своей молитвою ввести душу умершего в рай («суки болн арон»). Когда же умирает бедняк, и родственнику не на что пригласить бакшу, зовут гелюнга, чтобы прочесть молитву. Душа идет в ад, на страдание.

Гелюнг не только ходатай за умерших, он в то же время врач многочисленных калмыцких болезней, увы, очень часто залечивающий до смерти пациентов. Обыкновенным средством лечения, особенно лихорадки, является строгая диета, состоящая в том, что больному не дают ничего есть, а поят кипяченой водой.

Часто, когда бакши убеждены, что болезнь происходит от влияния злого духа, они выгоняют последнего из больного. Нам пришлось как-то присутствовать при одной подобной операции.

Бакша с гелюнгом и *манджиками*¹ сделали из теста коня и всадника. Начали молиться. По окончании молитв бакша несколько раз позвонил над всадником, похлопал в ладоши и плюнул. Манджики взяли всадника и выбросили на двор.

У калмыков очень мало сказок, но зато все сказки так характерны, так типичны, что слушаешь с громадным наслаждением. Выберем две из них.

О калмыке Кепе и жене его

Жил калмык Кеп, и была у него жена Утбала. Кеп был человек нехороший, грубый, бессердечный и часто обижал свою жену. Утбала

¹ Ученик гелюнгов. — С.Ф.

была труженицей; с раннего утра и до поздней ночи не имела она ни минуты отдыха: печет, стряпает, убирает... Нянчит детей; целые дни таскает их за собой, обшивает с мала до велика, собирает и разбирает кибитку. А муж только лежит на боку да гуляет по хотону. Когда же приходит домой, ругает и бьет свою жену. От побоев да от работы Утбала померла. Кеп не мог вести хозяйство, и с горя стал он пить. Все пропил, что тяжким трудом скопила его жена. А гелюнги (жрецы) говорили, что Бог его наказывает. Однажды Кеп заснул около кибитки и сквозь сон видит, что к нему идет странник, подошел он и говорит: «Кеп! Я Великий Бакшин Геген. Пришел сказать, что неправильно живет народ мой. Жена у мужа служит рабыней, это — грех. Жена — подруга мужа. Ее надо жалеть, любить, труд, радость и горе делить с нею». Странник исчез. Кеп пошел к гелюнгам и рассказал им свой сон.

По мысли и идее эта сказка очень чудесна. Но слова Великого Бакшина Гегена и до сих пор остаются в области благих пожеланий.

Вот другая сказка, где изящны блески юмора степняков.

Как ленивый старик разбогател

Тушу — это несчастный день, когда ничего нельзя предпринимать. У одного ленивого старика всегда был тушу... Он лежал в кибитке и курил трубку... Бедной старухе приходилось работать одной, и ей это было очень трудно. Она задумала, как бы заставить старика работать. Однажды она встала рано утром, поставила горшок с маслом на дворе. Когда старик оделся и вышел, он увидел горшок с маслом... Он прибежал к старухе и говорит: «Старуха, я нашел горшок масла: вари калмыцкий чай». — «Вот, видишь, — ответила старуха, — в первый раз вышел из кибитки и нашел уже горшок с маслом». В другой раз она положила за кибиткой большой кусок баранины... Старик обрадовался и закричал старухе: «Я нашел кусок баранины, вари скорей шулюн¹». Старуха сварила шулюн, и они съели его за обедом. У них была одна лошадь и собака. Вот старуха и говорит старику: «Первый раз ты нашел горшок с маслом, второй раз кусок баранины, поезжай теперь на охоту, может быть, что-нибудь убьешь».

Старик оседлал коня, взял лук, стрелы и собаку и поехал охотиться в степь.

---

¹ Национальное кушанье, любимое калмыками. — С. Ф.

Там он увидел зайца; старик привязал собаку к лошади, чтобы она не убежала, и сам побежал догонять зайца. Долго он бегал за ним, но догнать не мог; тогда он вернулся к собаке и лошади, но они тоже ушли куда-то. Старик пошел их искать. Искал очень долго и захотелось ему есть. Вдруг он увидал: в траве что-то блестит. Он поднял ... золотое кольцо. В это время к нему подошли два калмыка и спросили: «Старик, не находил ли ты золотого кольца?». Старик сказал: «Кольца-то я не находил, но я колдун и скажу вам, где оно. Дайте только свиную голову» (он хотел очень есть).

Калмыки пошли домой за свиной головой, а старик бросил кольцо опять в траву. Когда они принесли ее, старик съел и говорит: «Кольцо здесь, в траве».

Они поискали его и нашли; нашли и поехали домой, а старик тоже поехал домой. В другой раз старик опять поехал охотиться и увидал, как те два калмыка гонят в степь двух лошадей... В это время у хана тоже пропали две лошади. Эти два калмыка (чтобы посмеяться над стариком) и говорят хану: «Есть один старик, который может узнать, где лошади» (они думали, что старик не видал, как они гнали лошадей). Хан приказал позвать старика. Повели его, посадили в отдельную кибитку, дали ему свиную голову. Старик съел ее и лег спать. Утром он говорит хану: «А лошадей украли те, которые ходили за мной». И верно, лошадей нашли у них.

Тогда хан их наказал, а старика спросил: «Чего тебе надо от меня?».

Старик попросил стадо овец с пастухом и с тех пор стал спать по-прежнему: у него всегда была еда и чай.

Вот наиболее характерные поговорки и загадки калмыков, точно отражающие их бытовые черты.

Поговорки:

Водка портит все, кроме посуды.

Вор не любит луны, а глупый умного.

Кому нужна помощь — поможет бедный.

Говори меньше, думай больше.

За неимением собаки лает и свинья.

Змея, заползая в кибитку, выгоняет и хозяина.

Уголь, сколько не мой водой, белее не будет.

Хорошего мужчину можно узнать в дороге, хорошую женщину — в кибитке.

Загадки:

1. Аржанец пьет араку (роса).
2. Безшейного верблюда нельзя догнать (дорога).
3. Быстрее стрелы на аршин, быстрее ветра на сажень (телеграмма).
4. Вон умерший друг смотрит (дыра в кибитке).
5. В земляной трубе мясная пробка (суслик в норе).
6. Собаки хотона лают в одну сторону (дым).
7. В большой кибитке малая кибитка, а в малой кибитке — ребенок (сапог, чулок, нога).
8. Живот велик, голова дырява (кибитка).

Из этих наиболее характерных отрывков фольклора можно видеть, в каком состоянии находится эта горсточка калмыков, тая со дня на день. Способность инициативы и сопротивления доведена до *minimum'a*, и угасает этот народец, остаток грозных полчищ степняков, убаюкивая свое тело аракой, усыпляя свой дух сказками и религией глубокого спокойствия и отрешенного от мира уединенного созерцания.

Малочисленная интеллигенция бьет тревогу и громко зовет народ к пробуждению... Но их никто не слышит, да и некому.

Когда мы возвращались обратно, у Маныча к нам подошли два калмыка-пастуха. Лица их загорели и были изнурены, одежда была изорвана, а на ногах вместо сапог были куски невыделанной кожи, стянутые ремнями. Когда я дал им хлеба, они с волчьей жадностью набросились на него и стали глотать куски. Они сказали, что больше месяца не видели хлеба, а питались молоком.

Литература

Фарфоровский С. В. Из фольклора терских казаков (остатки былевого эпоха). Харьков: Тип. «Печатное дело», 1912. 6 с.

Фарфоровский С. В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Ч. XXVII [6]. Июнь. С. 193-224.

Фарфоровский С. В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк. Тифлис: тип. П. П. Козловского, 1909. 34 с.

Фарфоровский С. В. Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь: [Б. и.]. 42 с.

Фарфоровский С. В. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань: Типо-лит. Имп. университета, 1911. 42 с.

Фарфоровский С. В. Фольклор калмыков в связи с их современной культурой и бытом. СПб.: тип. М. И. Акинфиева, 1913. 8 с.

Фарфоровский С. В. Чеченские этюды (из дневника этнографа). Ставрополь: Тип. губ. правления, 1912. 18 с.